Собеседник. — 1998. — №8. — с. 10

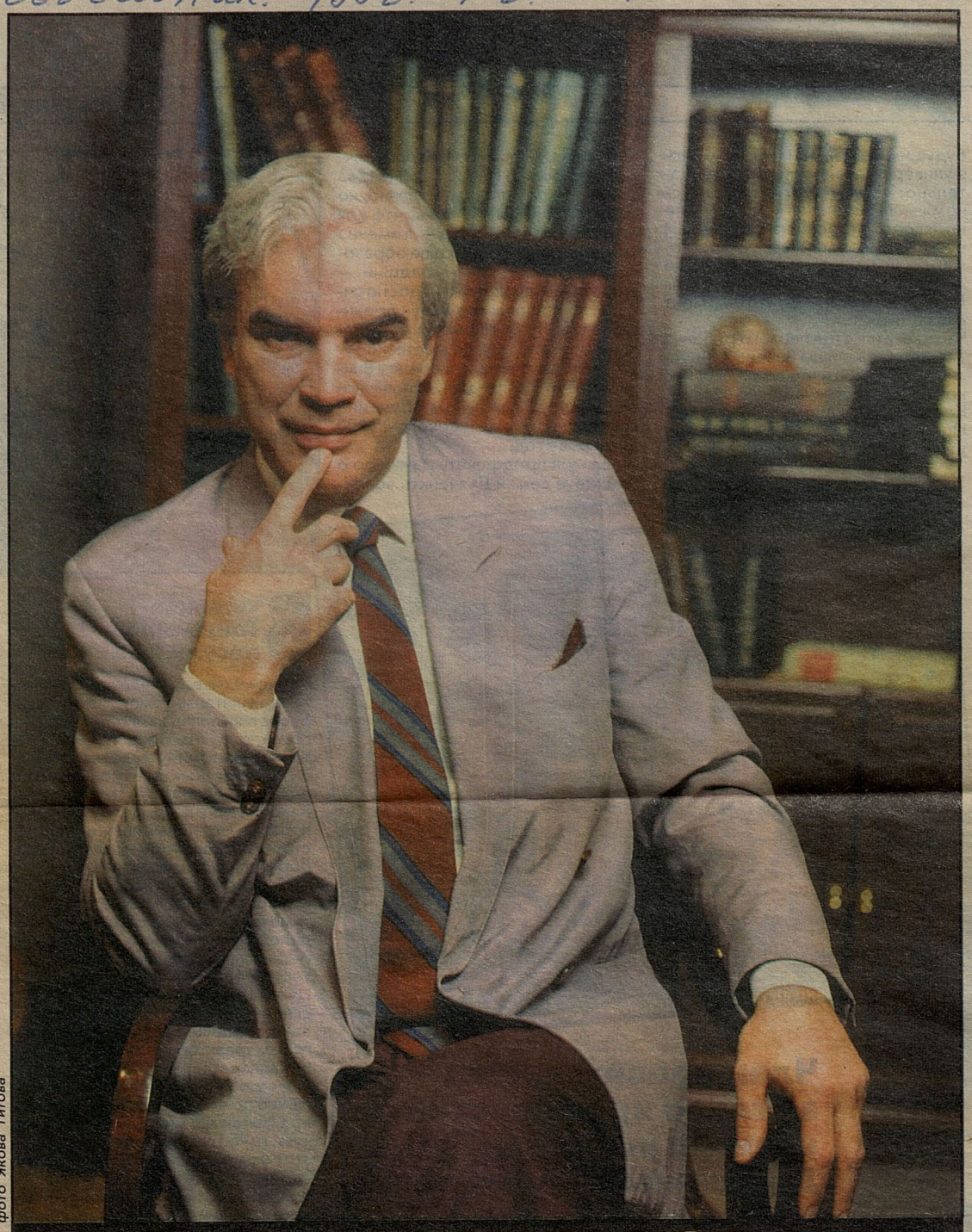

фото Якова Титова

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ: ПОЛОЖИТЕ МЕНЯ НА ДИВАН, И Я РАССКАЖУ ВАМ ВСЕ!

Звезда Владимира Молчанова взошла в славные времена дикторов в штатском с их нескончаемыми встречными планами, повышенными соцобязательствами по повышению же удоев, привесов и намолотов в свете новых решений очередного пленума. И вдруг посреди этой хмари, хмури и скуки появилось чудное телеокошко в живой, настоящий мир. Мы включали его «До и после полуночи» и узнавали, что, кроме непрерывно (и героически) доящих доярок, есть еще чудная страна Голландия с ее тюльпанами и кварталом красных фонарей, мы открывали для себя совершенно неизвестные ранее имена чудесных писателей. И начинали понимать, что живем ужасно.

«Сегодня развелось безумное количество задниц»

— Вы ушли из «Останкино» на REN-TV — не мала ли аудитория частного канала для вашего размаха?

— Я работаю здесь с 1992 года и поначалу действительно был обескуражен: привык к огромной аудитории. Тогда казалось, что тружусь лишь для того, чтобы ходить в студию, что оператор, режиссер — вот и все, кто меня видит. Но потом все изменилось. Раньше ориентировался в основном на Москву и Петербург — казалось, это мои зрители. Но сейчас страну совершенно не интересует то, что происходит в Москве или Питере — Красноярску или Челябинску это неинтересно. А в провинции тоже встречаются приличные, интеллигентные люди. Которые, кстати говоря, куда меньшие хамы, чем москвичи!

— Не все ли равно телевизионщику, для кого работать?

— А я вообще нетелевизионный человек — здешняя атмосфера, пожалуй, самое несимпатичное из того, что видел в жизни.

— Почему?

— Из-за ее стремительности и циничности. Возьмем тот же пожар в здании Морфлота — какой это подарок для телевидения! Для кого-то это, возможно, горе, а телевизионщики говорят: «Какой классный кадр!» И так всегда: гибнет человек, но для оператора это всего лишь эффектный момент. И потом, нигде нет такой неприязни журналистов друг к другу, как на телевидении. Нигде, кроме как на ТВ, не встречал столь идиотской болезни, как звездная. Я вообще очень рад, что попал в этот мир только в 36 лет, когда уже многое в жизни повидал и знал. Ныне же стало аксиомой то, что как-то произнес Володя Познер: «Если я буду все время показывать задницу лошади по ТВ, то через неделю она станет очень популярной». И таких задниц сегодня развелось безумное количество. Сплошь и рядом в эфир выходят люди не просто не умеющие говорить — нет, они просто откровенно глупы и необразованны. Свежий пример. Слушаем мы с женой новости об этом громком пожаре, и барышня-ведущая выдает: «В России такого пожара не было со времен Наполеона!» Она даже не знает, как в Москве горела гостиница «Россия»...

«Иногда завидую Жириновскому»

Произнеся последнее и махнув в сердцах рукой, Владимир Кириллович привычным жестом выудил из стремительно пустеющей пачки очередную «беломорину».

— Про вашу страсть к «Беломору» ходят просто легенды.

— О, это не только моя страсть, но и жены. Курю «Беломор» уже четверть века. А все пошло от мамы — она его лет пятьдесят курила, а я таскал... Лишь когда ей исполнилось 75 и она получила тяжелую пневмонию, то перешла на сигареты с фильтром. А я вот таскал, таскал да и привык... Хотя что-то в последнее время табак плоховат стал.

Когда работал в Голландии, все наши дипкурьеры знали, что в стране есть один ненормальный, которому стоит только привезти пачек двадцать «Беломора», и он обязательно литр водки выставит. И везли. Ну а я, конечно, выставлял...

— А ведь у вас порой прорезается что-то вроде сильной ностальгии по Голландии! Это прямо как первая любовь!

— Это не просто огромная любовь. Я проработал там в начале восьмидесятых собкором АПН всего лишь год (обычно собкору дают поработать три). Но до сих пор помню, как там жил, ходил в библиотеку, купался с женой и дочкой в море, как дочь ходила в голландский детский сад... Это был самый счастливый год и в моей жизни, и в жизни семьи.

— Так вы обыватель?

— Да. А что странного? Обыватель — тот, кто ценит самые элементарные и вечные радости жизни — семью, дом, его больше волнует личный огород или дача, нежели проблема выборов какого-нибудь Коржакова где-то там в Туле. Что плохого-то?

— Для вашей деятельной натуры это не скучно?

— Конечно, бывает, становится скучновато. Но у меня уже нет того завода, как в прошлом. А без куража вообще плохо работать — в театре, к примеру, или в цирке. А поскольку страна наша по-прежнему продолжает оставаться цирком, без куража — не то... Я в чем-то завидую Жириновскому, которого считаю абсолютным циркачом. Завидую, что ему уже довольно долго, лет пять-шесть, удается оставаться таким, как и в самом начале.

— Думаете, дочь станет брать пример именно с этого человека, а не с вас?

— Дочь, как и миллионы других детей, совсем иная — работает с компьютерами, безвылазно сидит в своем Интернете... Они ездят по миру, строят свой бизнес чуть ли не с пятнадцати лет — да хотя бы и гамбургеры продают!

Она, между прочим, и меня коечему учит. Каким-то новым словам. Хотя иногда не могу принять того, что она совершенно не читает те вещи, которые прочитали мы в этом возрасте. Но, с другой стороны, нам и делать-то больше нечего было — мы-то могли только читать. И еще смотреть фигурное катание! (*Заметив мою гримасу, Владимир Кириллович довольно смеется.*) Я тоже как-то к нему спокойно отношусь, вот хоккей очень люблю. Но ведь нечего было смотреть, нечего! А сейчас вижу, как она смотрит нашу программу — ей это интересно вовсе не потому лишь, что это делают ее родители. Хотя я все же чувствую, что современные мальчики и девочки меня не понимают, мне с ними очень трудно работать — они читают лишь Маринину или Cosmopolitan...

«Дочь не желает быть моим ребенком»

— А у вашего ребенка не возникают какие-то проблемы из-за того, что она дочь Молчанова! И потом, на экране вы один, а дома — уже иной, в тапочках...

— Не в тапочках она меня видит, а на диване, что я люблю больше всего — это моя главная поза в доме.

А серьезно, так она же меня видит на экране с детского возраста, лет с пяти, а ей скоро уже семнадцать. Так что привыкла и относится к этому спокойно. Хотя... Она-то уж не упустит случая предъявить мне претензии: на экране сказал одно, а дома делает другое!

Конечно, иногда сказывается, что она моя дочь. Хотя по жизни, в школе скажем, ей это особого удовлетворения не доставляет, скорее наоборот. Что ж приятного, когда учителя говорят: вот твой папа по телевизору сказал то-то и то-то, а ты такая безобразная дочка — опять чего-то не сделала, не прочитала, не выучила... Вот она и не желает быть дочерью Молчанова, а хочет быть самой собой. И по моим стопам тоже пока не собирается идти...

В небольшой квартире Молчанова удивляет отсутствие кухни. Ее попросту переделали в жилую комнату. А плиту с прочим втиснули в и без того маленький коридорчик. Это ж надо — поднять руку на самое святое для нашего человека!..

— А это чтобы было где жить. Помоему, лучше, когда у ребенка есть отдельная комната, чем есть кухня, но негде нормально жить. В следующем году будет четверть века, как мы перебрались в эту двухкомнатную квартиру. Но как бы ни старались, увы, — сюда все равно никак не могут вместиться все те, кого хотелось бы пригласить. Я-то воспитывался в семье, которая обитала в большом доме, где собиралась масса людей. Это был дом, который притягивал. Сейчас не то. Все потому, что дети не читают Булгакова или Цветаеву. Мы реже стали ходить в гости — проще с приятелем попить пивка в какомнибудь бистро.

«Детективы читаю неделями»

— Зато с годами я все больше стал тяготеть к земле. Даже не к земле — копаться в ней не люблю и вряд ли когда-нибудь буду. Просто я построил для семьи дом в деревне — той самой музыкальной деревне, где вырос, — Старые Рузы. Вот она и стала для нас местом, куда безумно тянет, куда мы берем и друзей.

— И все же огород, наверное, есть?

— Ничего мы не сажаем — там просто можно спокойно посидеть (в смысле полежать на диване), погулять. Там-то, кстати, я и готовлю. А что, мне все равно за городом делать совершенно нечего: дышу воздухом, читаю книжки и занимаюсь готовкой — изощряюсь с разными сортами мяса. А в Москве время лучше потратить не на кухню, а на чтение книжки. Или на посещение какой-нибудь выставки дурного художника...

— И что вы читаете?

— Иногда бывают просто жуткие периоды, когда запоем по две недели читаю только детективы. Любые? Вот уж нет! Ту же Маринину или Леонова. А потом внезапно перестаю — это же невозможно читать, я все равно через два дня забываю, что было в этом детективе. В последнее время понял, что у меня возник пробел в отечественной литературе — за последние десять лет мы же читали лишь то, что написано в 20—30-е годы, но было запрещено. Так мне натаскали ворох всего... Не могу сказать, что сделал для себя много открытий, хотя и нашел несколько хороших имен: Бабаян, Галковский, Улицкая... Так что предсказывать кончину русской литературы преждевременно, не говоря уж о том, что по-прежнему есть Астафьев — один из моих любимых писателей. А вот интересных для себя поэтов не могу найти — все как-то не получается...

Владимир **ВОРОНОВ.**

Молчанов Владимир

1998